У КАРТЫ ТИХОГО ОКЕАНА

Информационно-аналитический бюллетень №47 (245)

Новая администрация США и вероятная трансформация двусторонних отношений США со странами АТР

(*По материалам круглого стола*)

Центр азиатско-тихоокеанских исследований
ИИАЭ ДВО РАН

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН продолжает выпуск информационно-аналитического бюллетеня «У карты Тихого океана».

Бюллетень издавался с 1974 по 1991 г.

Цель издания: научно-информационное обеспечение мероприятий правительства РФ и региональных властей Дальнего Востока по интеграции России в АТР.

Структура, периодичность выхода и содержание бюллетеня меняются в зависимости от насыщенности, значимости и направленности текущих событий в регионе.

Главными принципами подбора и публикации материалов в бюллетене являются:

- оперативность в освещении событий;
- достоверность информации;
- ориентация не на описание прошедших событий, а на оценку их влияния на будущее и прогноз развития ситуации;
- практическая значимость.

Бюллетень распространяется по подписке в бумажном и электронном вариантах. С электронной версией издания можно ознакомиться на сайте http://www.ihaefe.org

При использовании материалов бюллетеня ссылка на него обязательна.

ISSN 2304-4586 (Print)

ISSN 2304-4632 (Online)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В.Л. Ларин (главный редактор), А.С. Ващук, А.П. Герасименко, С.Г. Коваленко, Е.Н. Чернолуцкая, А.Е. Савченко (ответственный секретарь)

Содержание

Предисловие 2

Болдырев В.Е. Политика США в АТР при Д. Трампе: системные условия и вероятные перспективы 3

Иванов С.А. Внешняя политика Китая при Д. Трампе 8

Колегова Е.А. Новая администрация США и вероятная трансформация двусторонних отношений США и Японии 12

Толстокулаков И.А. Д. Трамп и военно-политический альянс Сеула и Вашингтона: неопределённость или запрограммированная данность? 17

Мишин В.Ю. Северная Корея в зеркале отношений с новой администрацией США: планы и прогнозы 23

Симоненок А.В. Юго-Восточная Азия после победы Д. Трампа 28

Горячев Н.Н. Политика США при Д. Трампе: новый импульс или старые проблемы для Латинской Америки? 34

Прогнозно-аналитическое заключение: Вероятные векторы новой американской политики в АТР и их влияние на международные отношения в регионе 38

Предисловие

2 февраля 2017 г. в Центре азиатско-тихоокеанских исследований ИИАЭ ДВО РАН прошёл круглый стол «Новая администрация США и вероятная трансформация двусторонних отношений со странами АТР». В ходе него апробировалась инновационная методика «*сценируемый круглый стол*», которая была разработана в Лаборатории ситуационного анализа ЦАТИ ИИАЭ ДВО РАН. Она нацелена на анализ и прогнозирование политики отдельных государств и связанных с ними международных процессов. Особенность методики заключается в структурировании участниками своих исследований по предварительно заданной схеме и тематике.

Целью круглого стола явилось выявление предполагаемых изменений в подходах Соединённых Штатов Америки к АТР после инаугурации Д. Трампа и прогноз возможной трансформации двусторонних отношений стран региона с США, а также межгосударственных отношений в АТР.

Основной доклад был посвящён социально-политическим изменениям в США и перспективам их внешней политики в АТР. Участниками *«сценируемого круглого стола»* был проведён анализ и даны прогнозные оценки возможных изменений внешней политики каждого из государств региона с учётом новых тенденций политического курса США. Все исследования были выполнены с применением многофакторного анализа, а также синтеза системно-структурного метода и кейс-стадис.

В ходе дискуссии, в которой приняли участие учёные, представители академического сообщества, сотрудники федеральных ведомств, состоялся активный обмен мнениями, который позволил уточнить прогноз политической обстановки в регионе. Также была подтверждена научная актуальность и практическая значимость мероприятия.

Тексты докладов приводятся в авторской редакции, а итоги обсуждения публикуются в виде прогнозно-аналитического заключения.

Политика США в АТР при Д. Трампе: системные условия и возможные перспективы

Виталий Евгеньевич Болдырев,
к.и.н., младший научный сотрудник
ЦАТИ ИИАЭ ДВО РАН

Исходным условием внешней политики Д. Трампа является международная среда, существенно изменившаяся за период правления предшественника. При Б. Обаме ключевым направлением внешней политики США был АТР, в отношении которого курс определялся либеральными принципами. Также за его восьмилетие попытка распространить демократию на Ближнем Востоке и в Северной Африке посредством помощи несистемным оппозиционерам привела к дестабилизации региона. Кроме того ухудшились амеркиано-российские отношения, а РФ стала позиционироваться ключевой угрозой для Запада, КНДР продвинулась в разработке ядерных вооружений.

Либеральная экономическая политика, которая была одним из столпов «поворота к Тихому океану», вызвала недовольство среди американского среднего класса и рабочих ряда отраслей. Это стало одним из факторов, обеспечивших победу Д. Трампа на президентских выборах 2016 г.

45-й президент США считает образцовым правление Р. Рейгана. В связи с этим прогнозируется, что Д. Трамп сохранит центр управления внешней политикой в своих руках: за ним останется определение целей и итоговое решение. Процесс конкретного наполнения курса окажется в руках администрации и правительства, а контроль будут осуществлять доверенные лица президента, обеспечивающие также связь между ним и политическим истэблишментом. Администрация и правительство будут организованы по корпоративному принципу. В связи с этим ожидается высокопрофессиональная внешняя политика, нацеленная на лучшее обеспечение национальных интересов США.

Из президентской команды выделяются шеф ЦРУ М. Помпео и министр обороны Дж. Мэттис, которые придерживаются последовательной жёсткой антитеррористической позиции, выражали готовность сотрудничать с любыми силами, способными внести позитивный вклад в стабилизацию Ближнего Востока. Но наиболее знаковым является назначение Р. Тиллерсона госсекретарём, Р. Лайтхайзера торговым представителем, а также намерение назначить послом США в Пекине Т. Брэнстеда. Это

свидетельствует, что ключевыми направлениями внешней политики будут ближневосточный регион и экономические вопросы. Решение последних будет подчинено целям обеспечить производственный и технологический рост американской экономики, оградить её от конкуренции, несущей в себе потенциал угрозы для национального хозяйства.

Ключевым методом внешней политики станет дипломатия, реализуемая через «работающие посольства» [1]. Будет применяться и военная сила в отношении ИГИЛ. Эта кампания, вероятно, будет подчинена цели проверки современных вооружений в реальных условиях, обеспечения качественного превосходства ВС США.

В течение первых двух лет будет осуществляться объединённое правление, хотя демократы составляют влиятельное меньшинство в Сенате. Это потребует убеждения оппозиции, предложения инициатив, которые она согласится поддержать. Не исключено также противодействие Конгресса президенту. Вероятнее всего оно коснётся российской и ближневосточной политики. С учётом управленческого стиля Д. Трампа прогнозируется рост противостояния исполнительной и законодательной властей.

Из групп интересов, которые будут оказывать прямое и косвенное влияние на внешнюю политику, выделяются следующие. Металлургическая отрасль, а также производители систем управления будут заинтересованы в контрактной системе, обеспечивающей размещение заказов у национальных производителей в рамках инфраструктурной программы. В интересах автомобильной, лёгкой и ряда других отраслей, в которых наблюдается спад, будут вводиться ограничения на импорт продукции из стран с экстенсивным хозяйством. Значительное число таких стран-поставщиков находятся в АТР. Протекционистская политика будет проводиться и в интересах тех производителей, которые заподозрят иностранных конкурентов, имеющих доступ на рынок США, в нарушении авторских прав.

Также правительство, взаимодействуя с Конгрессом и штатами, запустит механизм, поощряющий возвращение производственного цикла в США.

Другой влиятельной группой интересов являются предприятия, на которых размещаются оборонные заказы. Стремление качественно перевооружить армию и поднять её на новый уровень станет причиной следующих вероятных внешнеполитических шагов: военная операция на

[1] Этот термин впервые использовал Дж. Ф. Мэтлок, характеризуя работу посольства США в СССР. Им он обозначал посольства, способствующие как налаживанию эффективного канала для диалога двух правительств, так и влиянию на официальные политические силы страны пребывания с целью, чтобы они изменили или скорректировали своё внутриполитическое и международное поведение в интересах США.

Ближнем Востоке, заключение с союзниками контрактов на поставку новых вооружений по причине противодействия современным угрозам.

Кроме того ряд этих компаний являются успешными американскими экспортёрами, в их интересах будет проводиться либеральная торговая политика.

Развернувшаяся после выборов антироссийская кампания, вызвавшая рост негативного отношения к РФ, вынуждает правительство Д. Трампа оседлать антироссийскую волну в своих интересах и с учётом антироссийской группы в Сенате.

В целом, данные свидетельствуют в пользу того, что АТР не будет ведущим внешнеполитическим приоритетом новой администрации, таковыми станут Ближний Восток и противодействие международному терроризму. В то же время, Тихоокеанская Азия будет находиться в центре таких глобальных проблем как нераспространение, торгово-экономическое взаимодействие, верховенство международного права, а также пересмотр параметров американского военно-политического сотрудничества с другими странами.

В рамках первого направления будет продолжена политика сдерживания КНДР, будет сделана ставка на качественное переоснащение ядерных сил, дальнейшее развитие ПРО, которые будут сопровождаться устрашающей риторикой. Будет усилена санкционная политика в северокорейском контексте, главный удар которой придётся на КНР.

Торгово-экономическое взаимодействие будет строиться на основе двусторонних, а не многосторонних соглашений, в которых будут прописаны поощрительные и ограничительные меры. Будет проводиться политика, нацеленная на выработку единых стандартов и правил игры, которые позволят развиваться американскому производству.

В сфере соблюдения международного права Д. Трамп сделает ставку на «работающие посольства», через которые будет доноситься позиция США до других правительств.

В военно-политической сфере новое правительство сделает ставку на большее финансовое участие союзников в их обороне, сохранение действующих военно-политических союзов с Японией, РК, Австралией и Новой Зеландией, поставки им новой американской военной техники, развитие сотрудничества с Россией.

Политика в отношении стран АТР, вероятно, будет иметь следующее содержание. В отношении **Китая** будет проводиться экономическая политика, включающая развитие свободной торговли, устранение и унификацию нетарифных параметров торговли, введение ограничительных

мер в отношении старых отраслей и производств, чьи товары имеют низкое качество, в случае угрозы для американских производителей. Эти меры будут использоваться для открытия китайского рынка и, весьма вероятно, в качестве наказания за нелегальное использование авторских прав. При этом протекционистская политика не коснётся Гонконга, Макао и Тайваня. Также развитая взаимовыгодная торговля США и КНР воспринимается новым президентом в качестве одного из инструментов ослабления российско-китайского партнёрства.

Не исключается вероятность финансовых переговоров.

В политической сфере Вашингтон будет убеждать Пекин в необходимости соблюдать принцип свободы морей в ЮКМ. В военно-политической сфере Китай будет восприниматься конкурентом, чьё взаимодействие с Россией может нарушить выгодный для США баланс сил в мире. Кроме того, поведение КНР в ЮКМ будет стимулировать администрацию Д. Трампа рассмотреть вопрос о реконструкции военно-политического взаимодействия с некоторыми странами ЮВА, Австралией и Новой Зеландией. В делах Корейского полуострова Вашингтон будет стремиться изменить поведение Пекина в отношении КНДР посредством комбинации дипломатии и санкций.

Монголия будет восприниматься как страна, перспективная для американских инвестиций и торгово-экономического сотрудничества. Однако здесь Д. Трампу предстоит решить, «китайский» или «российский» транспортный коридор предпочтителен в контексте такого взаимодействия.

В отношении **Вьетнама** будет проводиться торгово-экономическая политика, в центр которой будут поставлены ограничительные меры в отношении предприятий лёгкой отрасли из-за высокой доли их продукции в экспорте. Они будут реализовываться с помощью исполнительных указов и посредством дипломатических контактов.

Россия воспринимается через призму Ближнего Востока, как потенциальный, полезный для интересов США партнёр, через призму Европы, где Россия рассматривается проблемной силой, с которой необходимо найти новый модус вивенди в условиях посткрымского мира, и через призму АТР, где она воспринимается как партнёр Китая. Развитие взаимовыгодного взаимодействия на Ближнем Востоке и интенсификация европейского вектора политики США будут нацелены на ослабление политического взаимодействия Москвы с Пекином. С этими же целями, но в экономической сфере вероятно частичное ослабление санкций в сферах, где экономическое взаимодействие России и США будет наиболее выгодным для обеих стран.

КНДР. Эта страна объявлена «угрозой №2» после ИГИЛ. В её отношении будет продолжена прежняя политика, сочетающая санкционное давление и «мягкую силу». Главной проблемой является особая позиция Китая по вопросу экономического сотрудничества. В этом контексте США будут стремиться заручиться поддержкой России под предлогом усиления режима нераспространения и санкционного давления, но реально будут стремиться посеять семя разногласий между РФ и КНР. Также под этим предлогом может быть развёрнута гонка вооружений, рассчитанная на изматывание экономики КНДР. Однако заметим, что этот шаг может быть предпринят в отношении любого государства.

Япония, РК, Австралия, Новая Зеландия. Эти страны объединяет два фактора: наличие военно-политического союза и проблемы развития экономических отношений. В первой сфере будет сделана ставка на рост военных расходов союзников, связанных с размещением американских баз и с поставками новой американской техники. Декларативно эти меры будут направлены против КНДР, но реально на сдерживание Китая и России. Кроме того, реализация этой стратегии позволит отвлечь лишние средства конкурентов не просто на военные нужды, а во благо американского хозяйства. В экономической сфере курс будет направлен на ограничение вредного для США импорта и на поощрение выгодного торгового и технологического сотрудничества, основанного на принципах свободной торговли. От Новой Зеландии США продолжат добиваться снижения господдержки бизнеса и экспорта, именно с этим будет связано введение разрешительных и ограничительных мер в отношении неё. Кроме того Япония и РК рассматриваются в качестве потенциальных инвесторов в технологичные американские производства.

Внешняя политика Китая при Д. Трампе

Сергей Александрович Иванов,
к.и.н., заведующий Отделом китайских исследований
ЦАТИ ИИАЭ ДВО РАН

Трамп во многом построил внешнеполитическую составляющую своей предвыборной кампании на антикитайской риторике. В ходе американских выборов официальный Пекин не реагировал на провокационные высказывания будущего президента, и лишь однажды министр финансов Китая Ло Цзивэй в интервью западному изданию *"Wall Street Journal"* позволил себе охарактеризовать Трампа как «нерационального» политика[1], и порекомендовал вообще не обращать внимания на содержание предвыборных дебатов в США. Проблема заключается в том, что первые дни своего пребывания в офисе Трамп демонстративно пытается следовать своей риторике (выход из ТТП, ужесточение миграционного режима, строительство стены на границе с Мексикой). Пока конкретные действия новой администрации США не затронули Китай, и для нас важно понять, в каких пределах Трамп может реализовать свою «антикитайскую программу» и как будет реагировать Пекин.

Прежде всего выделим болевые точки американо-китайских отношений, на которые планирует надавить Трамп, и выстроим их в иерархии чувствительности для китайских политиков:

- приверженность США принципу «одного Китая»;
- ситуация в Южно-Китайском море (ЮКМ) и на Корейском полуострове;
- американо-китайские торговые отношения.

В приоритетах Трампа вышеуказанный перечень имеет обратный порядок – «несправедливая» торговля с Китаем стоит на первом месте. Логично предположить, что новый президент попытается использовать тайваньский вопрос и напряженность в ЮКМ в торге с Пекином по экономической повестке. История знает пример – Соглашение Плаза (1985 г.) – когда давление США вынудило партнеров (Японию, Великобританию, Францию и Германию) принять девальвацию американской валюты, тем самым ухудшив для самих себя условия двусторонней торговли с первой экономикой мира[2]. В данной ситуации ключевым является вопрос, готов ли

[1] Q&A: Chinese Finance Minister Lou Jiwei // https://www.wsj.com/articles/q-a-chinese-finance-minister-lou-jiwei-1460895212
[2] Giovanni Arrighi. Adam Smith in Beijing: Lineages of the 21st Century. London: Verso, 2007. P. 109-111.

Китай включать принцип «одного Китая» и споры в ЮКМ в диалог. Ответ на него будет категорично отрицательным, о чем Трампа предупреждают американские эксперты[3]. Реальный торг может вестись только в плоскости торговых отношений, все остальное – либо станет предметом риторических баталий, либо будет иметь самые серьезные военно-политические последствия, к чему не готовы ни новая администрация, ни китайские лидеры.

Китайское руководство в ближайшей перспективе не намерено корректировать свой внешнеполитический курс.

Во-первых, в Китае по-прежнему уверены, что риторика Трампа в отношении Китая – популизм. «Рациональность», «объективность» и «выгода» – три наиболее часто используемые китайскими официальными лицами понятия, когда они комментировали очередные антикитайские заявления Трампа, указывая на их необоснованность с точки зрения объективной ситуации. К тому же у Китая богатый опыт отношений с США, и в истории двусторонних связей был посттяньаньмэньский период, когда в США публично критиковали Китай, вводили военно-политические санкции и грозились санкционировать ограничения на экономические взаимодействия. Во многом именно этот период выработал в китайской политической элите сильный иммунитет в отношении американской популистской риторики.

Во-вторых, в Пекине уверены в ограниченных возможностях Трампа реализовать предвыборную программу, касающуюся Китая. Как минимум, по мнению китайских лидеров, США и КНР «несут значительную ответственность за развитие и процветание мира» [4], поэтому должны придерживаться устоявшихся правил игры в международных и двусторонних отношениях. Например, подъем пошлин на ввозимые китайские товары видится в Китае чем-то совершенно невероятным из-за нарушений базовых принципов ВТО. Безусловно, можно пофантазировать и представить, что Трамп воспользуется конфликтом в ЮКМ для введения санкций против Китая (другими словами, разыграет что-то вроде украинского сценария для КНР). Но и в этом варианте будет много подводных камней. Одно из главных заключается в том, что страны ЮВА – это не Украина, они являются более серьезными игроками на международной арене, поэтому вряд ли позволят США разыгрывать антикитайскую карту за счет своих интересов.

---

[3] How Trump can press China without resorting to a trade war // http://www.economist.com/news/leaders/21715664-what-constructive-american-approach-trade-china-would-look-how-trump-can-press

[4] http://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1414148.shtml

Уже сейчас по поведению Пекина можно судить, как он будет реагировать на провокации Трампа, когда они последуют. Пекин будет занимать сдержанную позицию, при этом достаточно сложно определить, где будет проходить красная черта, после пересечения которой последуют ответные действия. В качестве иллюстрации этого тезиса показательна реакция властей Китая на действия Трампа по Тайваню. 3 декабря Цай Инвэнь провела телефонный разговор с Трампом (состоялся по инициативе тайваньской стороны). Официальный Пекин назвал это «проделками» Тайбэя, и заявил, что США, несмотря на это, не изменят принципу одного Китая[5]. Схожая реакция Пекина последовала и на участие делегации Тайваня в инаугурации Трампа. В то время как западные СМИ «смаковали» эту новость, китайской информационное пространство фактически хранило молчание по этому поводу – лишь небольшие сообщения появлялись на неофициальных новостных порталах со ссылками исключительно на заявления представителей МИД КНР. Официальный Пекин по своему расценил факт участия делегации в инаугурации, подчеркнув, что США неоднократно заявляли о приглашении исключительно дипкорпуса, расположенного в США, тайваньская же делегации приехала по собственному желанию, пытаясь внести смуту в отношения США и КНР[6]. Другими словами, власти Китая готовы сглаживать провокации со стороны США и Тайваня, ограничивая антиамериканские настроения в китайских СМИ.

В среднесрочной перспективе крайне вероятна корректировка отношений Китая с основными игроками в Тихоокеанской Азии, однако эта тенденция в реальности мало связана с приходом Трампа, его политика может лишь ускорить системные процессы. Еще до победы Трампа на выборах ключевые союзники США в регионе – Япония и Филиппины – стали искать альтернативы сложившемуся балансу сил. Лейтмотивом этому, безусловно, стало усиление Китая при снижении возможностей США. В случае намеренного сокращения США своего влияния в Тихоокеанской Азии Япония, Южная Корею, Филиппины будут вынуждены проводить более активную внешнюю политику, в том числе пытаясь уравновесить влияние КНР. Я не берусь утверждать, как именно будет происходить перебалансировка сил в регионе. Но в двух вещах можно быть уверенным. Во-первых, отношения Китая и Японии неизбежно ухудшатся, т.к. пока только Япония может частично компенсировать сокращение влияния США в

[5] http://www.fmprc.gov.cn/ce/cedk/chn/zgwj/t1421115.htm
[6] http://www.fmprc.gov.cn/ce/cesg/chn/fyrth/t1432226.htm

регионе. Во-вторых, Китаю придется приложить серьезные усилия, чтобы не допустить роста антикитайских настроений в регионе.

Китай не изменит своей позиции по КНДР независимо от политики США. Пекин заинтересован в поддержании статус-кво на полуострове и приложит все усилия для этого.

Новая администрация США и вероятная трансформация двусторонних отношений США и Японии

Елена Александровна Колегова,
младший научный сотрудник
Отдела изучения Японии и Кореи
ЦАТИ ИИАЭ ДВО РАН

С момента победы Дональда Трампа на президентских выборах в США, ставшей неожиданностью для всего мира, и для Японии в том числе, прошло всего несколько месяцев. Представляется, что еще рано судить о том, сказались ли изменения во внешней политике США на внутренней обстановке и внешней политике Японии. Сейчас можно говорить лишь о прогнозах - оптимистичных и не очень, касательно изменяющихся американо-японских отношений. Каким именно будет внешнеполитический курс Трампа по отношению к Японии - пока судить трудно, должно пройти время, чтобы этот курс после его озвучивания воплотился в жизнь.

Вообще японские дипломаты часто сетуют сейчас на непрозрачность азиатской политики Трампа. Премьер-министр Абэ в день инаугурации Трампа, 20 января, выступил с традиционной программной речью, посвященной курсу кабинета министров Японии, по случаю начала пленарной сессии в парламенте Японии. Он вновь подчеркнул, что «до настоящего момента, сейчас и в будущем именно японско-американский альянс – стержень политики нашей страны в области дипломатии и безопасности. Это неизменный принцип». Также Абэ заявил о намерении еще больше укрепить союзнические отношения с США. О том же заявил и генеральный секретарь японского кабинета министров Ёсихидэ Суга 23 января: «В условиях, когда ситуация с региональной безопасностью ухудшается, мы хотим еще более укрепить узы с администрацией Трампа».

США-Япония-Китай. В настоящее время основные опасения Японии вызваны возможностью изменений во внешнеполитическом курсе Трампа по отношению к Китаю. В ситуации, когда растет напряженность в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, для Японии сейчас альянс с США необходим как воздух. Политика Трампа по отношению к Китаю, его критика экономической политики Китая, действий Китая в Южно-Китайском море крайне позитивно оценивается правительством Японии. Также одобрительно воспринимается недавнее высказывание Трампа по поводу концепции «Единого Китая», где президент США заявил, что США не обязательно придерживаться нынешней позиции по вопросу "единого

Китая". Также положительной была реакция правительства Японии на заявление президента США о важности Тайваня как стратегического торгового партнера США – само это признание идет вразрез с данной концепцией. Представляется, что в сфере военного взаимодействия отношения Японии и США в ближайшей перспективе не претерпят серьезных изменений. Однако Трамп вряд ли пойдет на резкое обострение отношений с Китаем.

Для Японии было бы нежелательно оказаться в центре противостояния Китая и США, их борьбы за доминирование в регионе. В случае возникновения подобной угрозы все чаще в Японии звучит мнение, что Япония сторонним наблюдателем не останется. И тут разворачиваются интересные перспективы. Ведь благодаря постепенным реформам Абэ японские Силы самообороны уже наделены расширенными полномочиями при условии проведения силовых провокаций со стороны Китая. Сложившаяся в настоящий момент ситуация представляет реальную угрозу безопасности в Азии.

Отчасти японцев успокоили повторные заверения госсекретаря США Рекса Тиллерсона при вступлении его в должность о том, что о-ва Сэнкаку, спорные с Китаем, являющиеся частью японской префектуры Окинава, подпадают под действие 5 статьи Японо-американского договора о безопасности. Однако японцев беспокоит то, что Трамп заявил о том, что военные союзники США будут нести более серьезную нагрузку, ибо Америка уже достаточно защищала границы чужих государств, оставив интересы своих вооруженных сил на втором плане. В реальных цифрах беспокойство Японии обосновано – уже сейчас она оплачивает 70% расходов на пребывание американских военных баз на своей территории. В аналогичной ситуации Южная Корея и Германия оплачивали лишь 30-40% стоимости пребывания на их территории иностранного военного контингента. Япония уже сейчас несет довольно тяжелую финансовую ношу, а Трамп в ходе своей предвыборной кампании даже заявлял о том, что пребывание войск США на территории Японии должно полностью оплачиваться из средств госбюджета Японии. Если напряженность в отношениях с Китаем у Японии сохранится в ближайшее время, Абэ придется пойти на условия Трампа, какими бы невыгодными они не были - Японии без поддержки США против Китая не выстоять. Далее, еще один фактор, вызывающий беспокойство у правительства Японии – при оценке деятельности Трампа в Японии часто говорят о его деловом прошлом – Трамп кажется лидером, ориентированным прежде всего на практические, экономические выгоды для своей страны, в большей степени, нежели на

гипотетическое обеспечение безопасности Японии, и при необходимости выбора президент США сделает этот выбор в пользу интересов США.

Ожидания населения Японии от президентства Трампа нельзя назвать радужными. Согласно опросу, проведенному газетой Асахи 17.01.2017 г., 48% населения Японии ожидает, что в будущем японо-американские отношения ухудшатся, 6% – что улучшатся, 33% – что они не изменятся. негативного влияния на экономику Японии в связи с новым курсом США ожидают 56% японцев, 7% – позитивного влияния, надеются на то, что ситуация не изменится – 23%.

В плане **экономических отношений** Японии и США хотелось бы отметить следующее. Новая администрация США как никогда прежде в истории представлена выходцами из наиболее состоятельных слоев США и в Японии существуют опасения, что по отношению к прочим странам США будет вести политику изоляционизма, когда внешний торговый оборот сводится к минимуму. И экономические отношения США будут развивать в более консервативном ключе — подобный ход дел отвечает настроениям бизнес-элит, хотя Трамп и провозглашал борьбу с социальным неравенством.

В плане влияния на японскую экономику обращает на себя внимание тот факт, что с момента победы Трампа на выборах в ноябре 2016 г. по настоящее время продолжается столь желанное для кабинета Абэ снижение курса иены по отношению к доллару США. Удешевление иены хорошо сказывается на деятельности японских предприятий, работающих на экспорт - растут зарплаты сотрудников, растут расходы населения, конъюнктура экономики Японии может восстановиться. Однако в подобной ситуации цены на импортируемые товары будут расти, что может повлечь за собой снижение потребительских настроений населения Японии, и тогда процесс возрождения экономики приостановится.

Вопрос заключается в том, насколько Трампа будет устраивать соотношение курсов «дешевая иена – дорогой доллар». Для экспортной торговли США это невыгодно, так как может привести к внешнеторговому дефициту, что вызовет негативную реакцию со стороны Трампа, а значит, это может стать причиной удорожания иены, что для Японии опасно - одна из ключевых предпосылок абэномики, на которой строится концепция выхода из дефляции - девальвация японской валюты, дешевая иена.

Далее, подписание Трампом распоряжение о выходе США из ТПП тоже окажет негативное влияние на японо-американские торговые связи. ТПП без участия США как экономическое партнерство малоинтересно для Японии. На этом фоне все большее влияние в торговле в регионе получает Китай с его концепцией Всестороннего регионального экономического

партнерства (ВРЭП). К тому же, Трамп уже выступил с критикой политики импорта японских автомобилей в США, сказав, что эта политика Токио несправедлива.

Тут цели Трампа очевидны – больше продукции США на внутреннем рынке, следовательно, рост производства и благосостояния производителей и рабочего класса, о чем он постоянно говорит – и это значит, меньше импорта из Японии. На данный момент о мерах, планируемых японским правительством по устранению последствий выхода США из ТПП, не говорится, часто озвучивается стремление убедить президента США изменить свое решение во имя развития мировой справедливой торговли, о чем собирается говорить Абэ в ходе будущей встречи с Трампом. Но стоит упомянуть, что даже в условиях отказа Трампа от реализации плана ТПП доля присутствия на рынках друг друга у Япония и США останется все такой же значительной, и экономические отношения стран будут все более укрепляться в двустороннем формате, включая рост инвестиций.

На отношения США и Японии в будущем, безусловно, окажут влияние взаимоотношения США с Россией.

США-Россия-Япония. Преждевременно будет говорить, что сближение США и России – дело решенное, ведь и Трамп, провозгласивший внешнеполитический слоган *"America first"* и Путин, постоянно говорящий о возрождении России как великой державы, преследуют сходные цели, по сути, являясь конкурентами. К тому же есть вероятность, что сближение США и России может породить трения с Японией и ЕС, поскольку последние не откажутся от прежде провозглашенного США принципа ненарушения мирового порядка путем силы (вхождение Крымского полуострова в состав России). Япония в целом относится положительно к сближению США и России, так как не заинтересована в обострении «новой холодной войны», но с опаской относится к возможной модели миропорядка, где будут доминировать две мощные ядерные державы – США и Россия. И даже в случае реализации сценария на потепление отношений США и России Япония надеется на заключение мирного договора с Россией, - в силу обещаний, данных Путиным Абэ в Нагато в 2016 г. Однако есть опасения, что Россия, сблизившись с США, не будет идти на уступки Японии в вопросе Южных Курил. В экономическом плане сближение России и США беспокоит Японию еще и по той причине, что зона влияния крупнейших экспортеров нефти – Эксон Мобил и Роснефти охватит огромную территорию – от Арктики до Мексиканского залива, что позволит этим корпорациям установить крайне невыгодные условия для Японии-импортера энергетических ресурсов.

В общем, что касается сложного вопроса взаимодействия США с Японией и Россией с учетом двусторонних отношений этих последних стран, вероятно, Трамп в ближайшее время не будет развивать отношения с Россией в ущерб интересам Японии. Для американского президента может оказаться выгодным поддержать баланс в своем сближении с Россией, и поэтому, возможно, он на некоторое время удержится от резких колебаний курса внешней политики по отношению к России.

США-КНДР. В числе первых документов, подписанных Трампом – разработка "совершенной системы ПРО для защиты от ракетных нападений со стороны таких государств, как Иран и Северная Корея". Это расценивается Японией как еще одно доказательство исполнения США своих обязательств по договору безопасности, но высказывается сожаление о том, что администрация Трампа пока не затрагивает в программных документах вопросы возобновления шестисторонних переговоров по ядерной проблеме КНДР. По отношению к КНДР США и Япония единодушно будут продолжать осуждать провокации с запусками баллистических ракет, и стремление КНДР дестабилизировать ситуацию в регионе. Сфера взаимодействия США и Японии по отношению к нынешнему режиму КНДР – еще одна перспективная отрасль для укрепления военного сотрудничества двух государств.

На данный момент очевидно, что в связи с приходом к власти администрации Трампа уже идут крупные перемены в регионе. Трамп заявил о поддержании старых союзов и заключении новых. Япония в настоящее время находится в ожидании – какие еще шаги предпримет, по выражению самих японцев, самый "непредсказуемый" президент Трамп. Пока его действия в плане экономики и геополитики не несли негативного содержания для России, скорее наоборот. Но будет ли он придерживаться этого курса, и какие меры предпримет на участке противоречий КНР-Япония и КНДР-Япония, для нивелирования основных угроз в АТР – вопрос остается открытым.

Д. Трамп и военно-политический альянс Сеула и Вашингтона: неопределённость или запрограммированная данность?

Игорь Анатольевич Толстокулаков,
д.и.н., заведующий Отделом изучения Японии и Кореи
ЦАТИ ИИАЭ ДВО РАН

Большинство средств массовой информации и аналитиков Республики Корея, публиковавших комментарии в первые дни после избрания Д. Трампа президентом США, исходили из неопределённости будущих американо-южнокорейских отношений. Эта позиция определялась опасениями относительно грядущих перемен в двусторонних отношениях, вполне оправданными на фоне противоречивых высказываний Д. Трампа в ходе предвыборной кампании, отсутствием у него «политического стажа» и сомнениями в его компетентности в корейской проблематике. Прогнозировалось усиление противостояния США и Китая, перемены в традиционном альянсе Вашингтона, Сеула и Токио. Коллеги в Сеуле ожидали изменений в двусторонних отношениях по вопросам безопасности и взаимной торговли. Основой для подобных опасений стали высказывания будущего президента США о том, что Южная Корея должна увеличить расходы на собственную безопасность, увеличить оплату за содержание американских войск. Подчеркивалось его замечание о том, что Сеул и Токио должны иметь собственное ядерное оружие. Смущало южнокорейских коллег и мнение Д. Трампа о том, что американо-южнокорейское Соглашения о свободной торговле отнимает рабочие места у американцев, а значит его следует пересмотреть. Политический лозунг «Америка прежде всего» в Сеуле связывался с нарастанием изоляционизма и укреплением экономической мощи США на основе сдерживания КНР и отказа от политики «одного Китая».

Вопрос «какой будет политика новой американской администрации по отношению в Южной Корее?» остаётся открытым, он строится вокруг трёх принципиальных моментов: (1) перспективы торгово-экономического сотрудничества; (2) будущее военно-политического альянса; (3) северокорейская проблематика. Остановимся на каждом из них.

Экономические перспективы. С одной стороны, они выглядят для южнокорейского делового мира и властей достаточно пугающими. Оптимисты надеются на открытие новых перспектив для южнокорейских компаний и банков в сфере крупных инвестиционных проектов на территории США. Д. Трамп намерен заниматься внутриэкономическими

проблемами как приоритетным направлением, для их решения страна будет нуждаться в масштабном финансировании, и внешние источники окажутся важным ресурсом. При этом общее конфронтационное поле в отношении КНР не даст возможности серьёзно привлечь в США китайских инвесторов, что даёт неоспоримое преимущество южнокорейскому бизнесу.

С другой стороны, протекционистские намерения новой администрации США вызывают беспокойство, поскольку они могут нанести удар по южнокорейскому экспорту. Отказ от Транстихоокеанского партнёрства – прямое свидетельство перехода экономической стратегии США на построение двусторонних связей, а внутри билатеральных отношений Сеул окажется намного слабее и податливее. Кроме того, курс на сдерживание Китая тоже может отрицательно сказаться на южнокорейском хозяйстве: введение антидемпинговых пошлин на произведенную в КНР продукцию, в том числе южнокорейскими предпринимателями, манипуляция валютными курсами, иски в ВТО, подрывающие привычный для Сеула торгово-экономический режим на мировом и региональном рынках – всё это не может не отразиться на южнокорейской экономике, для которой и Китай, и США являются двумя крупнейшими торговыми партнёрами.

Политика протекционизма может нанести серьёзный удар по южнокорейской экономике, в значительной степени зависящей от экспорта, однако в краткосрочной перспективе ситуация может принести пользу. Речь идёт об участии южнокорейских компаний в проектах развития экономики США. Всё зависит от того, сможет ли Сеул использовать новые возможности. В начале января 2017 г. развернулось активное обсуждение такого участия, при этом южнокорейское правительство заявило о намерении оказывать активное содействие отечественным компаниям в получении американских заказов. Анонсирована их всесторонняя юридическая и финансовая поддержка на территории США. Вице-премьер Ю Ильхо, курирующий вопросы экономики, 5 января заявил о намерении посетить США, провести там деловой форум и встречи представителей финансовых кругов двух стран. Данный план он озвучил в ходе совещания министров экономического блока. Вместе с тем, планируется активизировать работу южнокорейско-американского Совета по соглашению о свободной торговле, нацеленного на противодействие протекционизму в мировой торговле.

Будущее военно-политического альянса. В этом отношении Южной Корее пришлось поволноваться в период предвыборной кампании. Достаточно вспомнить апрельские высказывания кандидата Д. Трампа о том, что и Япония, и Республика Корея должны самостоятельно позаботиться о своей защите от ядерной угрозы и возможной северокорейской агрессии.

Процитируем его высказывание в интервью газете *"New York Times"* от 3 апреля 2016 г., вызвавшее настоящий шок в Сеуле: «*Полагаю, что нужно позволить Японии и Южной Корее самим защитить себя от Северной Кореи. Уверен, что эта война закончилась бы довольно быстро. Сегодня военная помощь Японии… Южной Корее слишком дорого обходится Соединенным Штатам. Будет лучше, если они сами защитят себя от КНДР. Они должны сами защищать себя или платить нам за защиту. Мы не можем быть всемирным полицейским с долгом в 19 трлн. долларов*».

Д. Трам не только подверг критике вклад недостаточный восточноазиатских союзников в региональную безопасность, но и призвал их к созданию собственных ядерных арсеналов. По сути это означает пересмотр долгосрочных соглашений в сфере региональной безопасности, заключенных США с Японией и Южной Кореей, нацеленный на *«…возможный вывод американских войск, если Токио и Сеул не согласятся увеличить компенсации США*».

Очевидно, что такие радикальные перемены могли бы подорвать союзническое доверие к США, разрушить региональные альянсы, привести к гонке ядерных вооружений в Северо-Восточной Азии, а также подорвать международные усилия по давления на КНДР с целью прекращения её ядерной программы.

Однако окончание избирательного марафона показало, что все волнения были напрасными: 10 ноября в телефонном разговоре с южнокорейским президентом Пак Кынхе Д. Трамп подтвердил «приверженность Соединенных Штатов своим обязательствам по обеспечению защиты Южной Кореи». Инициатором звонка была Пак Кынхе, примечательно, что разговор состоялся после экстренного заседания Национального совета безопасности Республики Корея, созванного 9 ноября в связи с выборами главы США.

Более предметный разговор лидеров двух стран состоялся 29 января 2017 г., когда Д. Трамп договорился с и.о. президента Южной Кореи Хван Гёаном о принятии мер для укрепления совместного оборонного потенциала с целью защиты от угроз со стороны КНДР. «*Президент Трамп подтвердил наше твердое обязательство защищать Южную Корею, в том числе путем обеспечения расширенного сдерживания КНДР, используя полный диапазон военных возможностей*», – сообщалось в пресс-релизе Белого Дома. На самом высоком уровне союзники не только договорились о разработке совместной оборонной стратегии в отношении КНДР, но и согласились с тем, что защита Южной Кореи остаётся одной из приоритетных задач новой

администрации США, подчеркнув «*…непреходящую важность американо-южнокорейского альянса*».

Подчеркнём, что данная трансформация является одним из немногих примеров «забвения» предвыборной риторики Д. Трампа. Сегодня много пишется и говорится о его неуклонной последовательности, но изменение тональности в отношении военно-политического альянса с Сеулом является образцом противоположного плана. Президент США указал на готовность применения всех сил и средств американского арсенала, включая ядерные вооружения. По всей видимости, конкретные шаги в этом направлении будут сделаны в ходе визита министра обороны США Джеймса Мэттиса в Республику Корея и Японию 1 – 3 февраля, и это позволит окончательно снять беспокойства по поводу ослабления двухстороннего союза.

Подходы Д. Трампа изменились не только на словах: в январе 2017 г.

– проведены учения сводных подразделений морской пехоты в районе г. Пхёнчхан с участием 300 американских морпехов, симулировавшие боевые действия в заснеженной местности;

– США и Южная Корея подтвердили намерение провести 7 марта совместные крупномасштабные учения при участии 300 тыс. южнокорейских и 15 тыс. американских военных с отработкой нескольких возможных сценариев развития событий на Корейском полуострове, включая ядерный конфликт;

– 13 января Джеймс Мэттис заявил, что США не планируют вывод своего военного контингента с Корейского полуострова, учитывая нестабильность ситуации в регионе, более того, вывод американских войск из РК и Японии может значительно осложнить усилия Вашингтона по защите своих интересов и обеспечению безопасности союзников;

– подтверждена переброска в Южную Корею 24 ударных вертолетов США *Apache AH-64D*, которые будут базироваться в 70 км от Сеула и «повысят обороноспособность страны в условиях нарастающей северокорейской угрозы»;

– 9 января начальник управления национальной безопасности администрации президента РК Ким Гванджин провел личную встречу с советником президента США по национальной безопасности Майклом Флинном, они договорились не допустить размещения ядерного оружия на севере Корейского полуострова; 22 января Ким Гванджин провёл телефонную беседу с М. Флинном, подтверждена важность военно-политического союза двух стран;

– 31 января подтверждено намерение разместить в течение 2017 г. американские системы ПРО THAAD на юге Корейского полуострова.

И, наконец, 2 февраля в Сеуле состоится встреча министров обороны РК и США. Визит Джеймса Мэттиса в РК станет его первой зарубежной поездкой после вступления в должность. Это свидетельствует о том, что новая администрация США придаёт важное значение ситуации на Корейском полуострове и в АТР в целом, а также укреплению американо-южнокорейского военного альянса. Официальный представитель Пентагона Джефф Дэвис накануне визита сказал, что он подтвердит ответственность США за устойчивость союзнических отношений с Республикой Корея и Японией, поможет активизировать сотрудничество с ними в области обороны: «*Данный визит подчеркнет приверженность Соединенных Штатов многолетнему союзу с Японией и Республикой Кореей, а также дальнейшему укреплению американского, корейского и японского трехстороннего сотрудничества в сфере обеспечения безопасности*».

В такой ситуации Сеул оставил прежние опасения и теперь ожидает, что при новой американской администрации военный альянс с Вашингтоном станет более крепким. Особо подчёркивается, что Д. Трамп лично хорошо понимает всю серьёзность северокорейской ядерной проблемы.

Северокорейская проблематика. Мы не будем на ней подробно останавливаться, поскольку впереди доклад В.Ю. Мишина. Подчеркнём лишь неоднократно продекларированное в январе 2017 г. единство взглядов на северокорейскую угрозу. В Сеуле уверены, что новая американская администрация обещает проводить более жёсткий курс в отношении Северной Кореи, согласующийся с политикой «сдерживания Китая». Косвенным свидетельством этого можно читать информацию от 8 января о том, что вооруженные силы Южной Кореи и американский спецназ решили сформировать спецподразделение численностью до 2 тыс. человек, задачей которого станет ликвидация высшего военного и политического руководства КНДР, в том числе самого Ким Ченына, в случае начала боевых действий на полуострове.

Но есть и другие сигналы, в частности в Вашингтоне активизировались сторонники реального курса по отношению к КНДР, которые утверждают, что «*правильнее видеть Северную Корею такой, какой она является на самом деле, а не такой, какой хотелось бы*». То есть не ставить задачу поменять северокорейский режим по собственным лекалам, а работать с том, что есть сегодня. Такой подход весьма напоминает отношение Вашингтона к КНДР в первой половине и в середине 1990-х гг., но трудно сказать, насколько он будет востребован в администрации президента Д. Трампа.

Итак, мы можем констатировать, что внешнеполитический курс США в отношении Республики Корея и на Корейском полуострове в целом не меняется, что опасения одних и надежды других оказались не оправданными. Южная Корея остаётся ведущим военно-политическим союзником США в регионе, и центром этого союза остаётся сдерживание (*в оптимистическом варианте*) или подавление (*в варианте пессимистическом*) КНДР. В ближайшее время вряд ли возможны принципиально новые подходы США и Сеула к решению корейской проблемы. Максимальные проблемы могут сложиться в отношениях Южной Кореи и КНР, это касается и политики, и экономики. Сеулу придётся платить за союзническую поддержку Вашингтона, и плата эта в какой-то степени будет связана с вовлечением Южной Кореи в политику «сдерживания Китая». Д. Трамп может предложить партнёрам в Токио и Сеуле такой вариант оплаты за присутствие своих войск как гарантов региональной безопасности.

Северная Корея в зеркале отношений с новой администрацией США: планы и прогнозы

Валерий Юрьевич Мишин,
заведующий Лабораторией ситуационного анализа
ЦАТИ ИИАЭ ДВО РАН

Пришедшей к руководству страной новой американской администрации досталось в наследство от команды Б. Обамы банкротство санкционного воздействия на КНДР. Ответом на военные, экономические и гуманитарные угрозы стал кимченыновский курс на «параллельное развитие экономики и укрепление ядерных сил сдерживания».

В своём новогоднем послании к нации лидер КНДР назвал Северную Корею «ядерной державой Востока» и заявил, что вскоре будут произведены испытания межконтинентальной баллистической ракеты новой модификации, способной поразить цели в континентальной части США. В ответ на такой эпатаж последовало не менее эпатажное заявление президента Д. Трампа, который в своём твиттере написал: *“It won’t happen!”*. Как это понимать?

Можно истолковывать, что Трамп не верит в реальное осуществление этой заявки, оперируя данными национальной разведки (которые, кстати, не всегда верны) о несовершенстве научно-технического потенциала Северной Кореи или же как заверение, что он не допустит подобного?

В пользу второго варианта говорят самые первые политические документы новой администрации, размещенные на сайте Белого Дома сразу после инаугурации президента. В них подчёркивается, что приступившая к исполнению должностных обязанностей новая исполнительная власть США в сфере военного строительства планирует положить конец секвестру оборонного бюджета, а также обеспечить Вооруженные силы США совершенной системой ПРО от таких государств, как Иран и Северная Корея. Таким образом, из заявлений двух сторон можно полагать, что в среднесрочной перспективе смены парадигм ни со стороны Северной Кореи, ни США ожидать не приходится.

А как же относиться к заявлению Д. Трампа что он будет готов съесть гамбургер с Ким Чен Ыном и поговорить с ним о возможной сделке? Трамп – бизнесмен (читай – «делец») с многолетним стажем и сделки у него в крови. Прежде чем совершить ту или иную операцию, он привык просчитывать возможные компромиссы. Однако не будем забывать, что молодой лидер Северной Кореи тоже непростой игрок, с каждым годом приобретающий

опыт политических интриг. Более того, предметом торга или сделки, во всяком случае, при жизни Ким Чен Ына, не будет северокорейская ракетно-ядерная программа, являющаяся гарантией выживания действующего режима. Значит, компромисс невозможен, и команда Трампа, не успев стать на крыло, заведомо обречена на тупиковый или вялотекущий вариант в решении северокорейской проблемы, как это было при Б. Обаме?

Однако давайте вернемся к тому, что новизна нынешней ситуации заключается в том, что мы имеем дело уже не с одним, а с двумя игроками, и в силу объективных правил любая игра должна закончиться выигрышем или проигрышем, или же – ничьей. Но, как мы отмечали на предыдущих «круглых столах», ничьей между Вашингтоном и Пхеньяном быть не может.

Выстраивая цепочку гипотетических рассуждений, очень важно знать и понимать на каких рубежах сегодня находятся две стороны. Экспертное сообщество даёт следующие оценки:

1. Политический курс администрации Обамы в отношении Северной Кореи, базировавшийся на концепции «стратегического терпения» или «давления и сдерживания без переговоров», оказался провальным;
2. Администрация Д. Трампа уже не может ограничиваться только санкциями и угрозами, как это делалось при ушедшей команде. Нужно искать новые подходы в условиях, когда Пхеньян, загнанный в угол санкциями, продолжает стоять на позициях ракетно-ядерного шантажа и стремится к международному признанию своей космической и ядерной программы;
3 В наследство новой американской администрации досталось отсутствие действенных инструментов, дающих возможность убедить Пхеньян изменить свою внешнюю и внутреннюю политику. Такой карт-бланш есть только у Китая, но Пекин, не найдя общего языка с Вашингтоном, не хочет (да и по ряду причин не может) его использовать;
4. Не способствуют оздоровлению отношений и такие заявления Трампа в период предвыборной кампании, как: «Я заставлю Китай сделать так, чтобы этот парень (Ким Чен Ын) исчез», «Я не хочу ядерной войны, но если Северная Корея будет продолжать добиваться успехов в развитии своей ядерной программы, а переговоры не дадут желаемого результата, я нанесу по ней хирургический военный удар».

В складывающихся условиях Трампу в случае выстраивания отношений с КНДР придётся считаться с разными подходами, как со стороны своих оппонентов, так и партнеров:

Сторонники жесткого курса из числа пост-обамовской политической и военной элиты, а также разведывательного сообщества будут настаивать на

дальнейшем ужесточении политики в отношении Пхеньяна по схеме «давление без взаимодействия». Их логика проста: переговоры с Ким Чен Ыном равнозначны легитимизации ядерного оружия и оказанию помощи в выживании северокорейского режима. А значит, необходимо продолжать тотальные санкции, форсировать размещение на Юге систем ПРО, поощрять Сеул в репетициях превентивного удара по Северу и т.п. Так эксперты из Национального бюро Азиатских исследований и независимого аналитического центра «Совет по международным отношениям» 31 января с.г. заявили на слушаниях в Комитете по международным вопросам Сената США, что достижение консенсуса, одновременно учитывающего интересы Соединённых Штатов и Северной Кореи, является несбыточной мечтой. Поэтому следует укреплять готовность к северокорейской угрозе и принимать меры «вторичного бойкота» на китайские компании, работающие с КНДР.

Другие советники и эксперты, близкие к нынешнему президенту оперируют тем, что предшествующий опыт одностороннего давления не сработал, а наоборот, способствовал упорному сопротивлению Северной Кореи. По их мнению, необходимо строить новые отношения с Пхеньяном по принципу «давление и диалог», но при этом важно заручиться безоговорочной поддержкой Китая, убедив его в том, что новая администрация будет действовать по позитивному, не в ущерб интересам Пекина плану, основываясь на опыте ядерной сделки с Ираном.

Вместе с тем высказываются опасения, что при этом шансы на успех могут не оправдать ожидания, так как неизвестно какие преференции Ким Чен Ын потребует взамен.

Какой реакции можно ждать от Пхеньяна?

1. Северная Корея медленно, но уверенно приблизилась к освоению технологий производства баллистических ракет и ядерного оружия, в результате чего в балансе сил не только на Корейском полуострове, но и в СВА произошёл качественный сдвиг. Это придаёт уверенности Пхеньяну диктовать свои условия не только противникам, но и региональным партнерам;
2. Отказ Ким Чен Ына от любых официальных контактов с Обамой пока что не распространяется на Трампа и предложения Пхеньяна заключить с США мирный договор остаются в силе. Рубежным периодом может стать март-апрель 2017 г., когда США и Южная Корея будут проводить ежегодные учения «Фоул иглз» и «Ки Резолвз». Если Трамп даст команду Пентагону сократить численность войск и вооружений или же вообще прикажет изменить формат маневров, то это будет оценено Пхеньяном как успех и

позитивная реакция не заставит себя ждать. Тем более, что государственные СМИ КНДР, безусловно, с подачи высшего руководства, уже называли Д. Трампа «мудрым политиком» и «дальнозорким кандидатом», который мог бы способствовать объединению Корейского полуострова. Однако в данном контексте Пхеньян или лукавит, или сильно ошибается, т.к. 1 февраля с.г. председатели Объединенных комитетов начальников штабов вооруженных сил РК и США подтвердили общую решимость и в дальнейшем противостоять северокорейским ядерным и ракетным угрозам. Кроме этого, наши сомнения усиливаются и тем, что новый министр обороны США свой первый зарубежный визит нанесёт в Сеул, а затем в Японию.

3. В связи с известными событиями на Юге полуострова, связанными со скандалом «Пак Кын Хе – Чхве Сун Силь», у Северной Кореи появился уникальный шанс использовать «революцию свечей» в своих интересах и вступить в переговорный процесс с Вашингтоном, в том числе с использованием т.н. «второй дорожки», о чём мы говорили на круглом столе по теме «Возможен ли мирный договор между США и КНДР». Ким Чен Ыну сейчас очень важен международный пиар и этот шанс, по нашему мнению, он не упустит.

Итак, одномерность американской политики при Обаме породила выжидательность и некую терпимость по отношению к северокорейскому режиму. Фрагментарные всплески враждебности в виде заявлений о превентивном ударе и физическом устранении Ким Чен Ына реальной основы под собой не имели. В Пхеньяне это понимали и манипулировали ситуацией в своих интересах.

Сейчас обстановка в регионе характеризуется более чем активной динамикой. В сложнейшей внутриполитической ситуации оказалась Республика Корея, общество и элиты там раскололись, обозначились проблемы с экономикой, резко обострились отношения с Китаем и Японией, а связи с Россией, по заявлению Пан Ги Муна, и «вовсе перестали развиваться». В этой связи нет ясности, как в дальнейшем будет строиться северокорейский вектор политики Сеула с приходом новой власти из числа представителей оппозиционной партии «Тобуро». Безусловно, Сеул традиционно будет оглядываться на Вашингтон и декларировать неизменность альянса, но Трамп пока не успел достаточно детально вникнуть в особенности Корейского полуострова и как у него в дальнейшем сложатся отношения с будущим высшим руководством РК, в том числе и в совместном отношении к северокорейскому режиму – прогнозировать весьма сложно.

По нашему мнению, если Трамп и Ким Чен Ын сами или через посредников договорятся о начале диалога в любом формате, то это приведёт

не только к сдвигу во взаимоотношениях между лидерами КНДР и США, но и в целом окажет позитивное влияние на обстановку в АТР-СВА. Если переговорный процесс пойдёт, то на начальной стадии стороны будут вести себя настороженно, и скорее всего, попытаются выяснить намерения друг друга. Вовлечение Трампа и Ким Чен Ына в диалог, если он состоится, будет трудным и долгим, т.к. в этом случае потребуется проделать огромный объем подготовительной дипломатической работы и переубедить «ястребов» в Пентагоне и Лэнгли. Кроме этого, американская администрация вынуждена будет учитывать позицию Южной Кореи, Японии и Китая, которые всегда настороженно относились к возможному формату «1+1» между Вашингтоном и Пхеньяном.

Есть мнение, что при доброй воле Ким Чен Ына хотя бы приостановить ракетно-ядерные испытания Трамп и его команда всё же решатся выработать более внятную стратегию и наладить формат диалога с северокорейским руководством, стараясь убедить внешних и внутренних оппонентов в целесообразности такого курса. Наряду с этим, надо полагать, что несмотря на остроту проблемы в повседневной деятельности нового президента США в решении задач планетарного масштаба северокорейская повестка займёт далеко не ведущее место и вариант «перебалансировки» отношений с Пхеньяном может потребовать большего времени, чем этого бы хотелось.

Беря во внимание все «за» и «против» полагаем, что у пришедшей к власти команды Трампа, да и у него самого, есть понимание, что дальнейшее оттягивание решения северокорейской проблемы уже не только нецелесообразно, но и невозможно с учётом нарастающих ядерных амбиций Пхеньяна.

С разными подходами и взглядами это понимают в Южной Корее, Японии и Китае. У России традиционное статус-кво и выжидательная позиция.

На сегодняшний день прогнозные перспективы американо-северокорейских отношений складываются в основном из сомнений, сложностей и противоречий. Между тем ясно одно, что только от политической воли двух сторон и при сбалансированной роли мудрых региональных партнеров-посредников будет зависеть, что нас ждёт в ближайшее время: мир или война на Корейском полуострове? Другой альтернативы мы не видим.

Юго-Восточная Азия после победы Д. Трампа

Анна Владимировна Симоненок,
к.и.н., научный сотрудник
Лаборатории ситуационного анализа
ЦАТИ ИИАЭ ДВО РАН

Регион ЮВА, несмотря на свою географическую компактность, представлен странами, которые кардинально отличаются друг от друга и имеют различные внешнеполитические цели и приоритеты. В силу этого в разных странах региона победа Трампа была воспринята по-разному.

Общим было, пожалуй, лишь то, что результаты выборов стали неожиданностью для всех. В большинстве стран ЮВА Клинтон была не только прогнозируемым, но и предпочтительным кандидатом. Её внешнеполитические взгляды известны, а предполагаемый курс, в общем и целом, отвечал интересами региональных держав. Позиции же Трампа, в частности, в отношении Юго-Восточной Азии до сих пор неясны, поэтому его победа вызвала растерянность, усилила неопределённость и одновременно породила серьёзные опасения, что внешнеполитический курс Вашингтона может сделать крутой поворот и оставить ЮВА за чертой стратегических интересов и приоритетов США.

Проводимый Обамой курс «перебалансировки» в Азию поднял на беспрецедентный уровень статус и значимость ЮВА не только в формате двусторонних отношений с США, но и в рамках региональных и международных связей. Так, например, в отношениях с Китаем Соединённые Штаты нередко прибегали к поддержке АСЕАН, используя Ассоциацию как некий балансир; после 11 сентября 2001 г. регион ЮВА был назван американскими экспертами «вторым фронтом» борьбы с терроризмом, и началось активное антитеррористическое сотрудничество[1]; ЮВА отводилась важная роль в продвижении проектов по либерализации торговли и экономики. Сегодня же у стран региона нет уверенности, что такое масштабное и разностороннее сотрудничество с США будет продолжено. Тем не менее, они сохраняют сдержанный оптимизм, что кардинальных изменений в политике США в регионе всё-таки не произойдёт. В качестве основных аргументов к тому выдвигаются два тезиса.

1) Юго-Восточная Азия – стратегически важный регион, где США десятилетиями налаживали двусторонние и многосторонние связи и разрушать их – не в интересах Вашингтона, тем более, что основной лозунг

[1] Gershman J. Is Southeast Asia the Second Front? // Foreign Affairs. 2002. July – August. Vol. 81, № 4. P. 60–74.

Трампа: «Вернём величие Америке» предполагает активные усилия не только на внутреннем контуре, но и на внешнем.

2) сохранение позиций США в ЮВА (экономических и военно-политических) необходимо для реализации стратегии сдерживания в отношении Китая, которая, вероятно, будет продолжена и при новой администрации США.

Хотя, очевидно, что прежней политика Вашингтона уже не будет, и этот факт лишь в Таиланде и на Филиппинах воспринимается позитивно. В Сингапуре, Малайзии, Индонезии и других странах отсутствие преемственности в политике США вызывает серьёзную обеспокоенность. Прежде всего, это касается экономического курса Вашингтона.

Почти для всех государств ЮВА Соединённые Штаты являются одним из ведущих торгово-экономических партнёров и входят в тройку лидеров по экспорту, импорту и по объёму инвестиций. Поэтому протекционистская политика Трампа неизбежно повлияет на экономическую ситуацию в регионе, и большинство государств ЮВА ощутят на себе её негативные последствия. Негативные, но не катастрофические. И экспертное сообщество, и официальные лица сходятся во мнении, что даже в случае заметного сокращения экспортного рынка, обвала экономик в странах региона не произойдёт, поскольку торговля уже перестала быть главным источником роста в ЮВА.

Вопрос о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП) – отдельный пункт в экономической повестке. По большому счёту, он касается лишь 4-х стран-участниц Соглашения (Сингапур, Вьетнам, Малайзия, Бруней). Но даже в таком узком кругу взгляды на ТТП разнятся. Наибольшую обеспокоенность развалом Соглашения демонстрирует Сингапур. Это маленькая страна, для которой торговля жизненно важна, и на ТТП в значительной степени делалась ставка, как на инструмент, способный придать стимул национальной экономике. Поэтому сейчас Сингапур предпринимает максимум усилий, чтобы сохранить этот пакт в любом формате, пусть даже без участия США и некоторых других членов.

Иных позиций придерживается Малайзия. После того, как стало известно, что США выходят из Соглашения, власти Малайзии заявили, что в сложившейся ситуации намерены сосредоточиться на развитии двусторонних связей и основные усилия направить на подписание двусторонних

соглашений о создании зон свободной торговли (ЗСТ) с государствами бывшими партнерами по ТТП[2].

Во Вьетнаме к распаду Транстихоокеанского партнёрства отнеслись ещё спокойнее. Как только стали известны результаты президентских выборов в США, появилась информация, что вьетнамское правительство отказывается вносить на рассмотрение Национальной Ассамблеи вопрос о ратификации Соглашения. А министр промышленности и торговли Чан Туан Ань заявил, что вне зависимости от того, состоится ТТП или нет, Вьетнам продолжит следовать курсом интеграции в международное экономическое пространство, опираясь на те соглашения о свободной торговле, которые уже заключены, в частности, с Евросоюзом и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС)[3].

Другие страны АСЕАН, как оказалось, и вовсе были не заинтересованы в ТТП. Так, заместитель премьер-министра Таиланда Сомкит Тятусипхитхак заявил, что распад Соглашения может позитивно отразиться на Таиланде, отметив, при этом, что Китай и предлагаемое им новое Всестороннее региональное экономическое партнёрство (ВРЭП) в любом случае предоставляют конкурентные возможности для укрепления позиций стран Азии в мировой торговле[4]. Именно на ВРЭП сейчас делают ставку ряд государств ЮВА (Таиланд, Вьетнам, Индонезия, Малайзия), считая его хорошей альтернативой ТТП.

Из всех стран ЮВА экономические аспекты взаимоотношений с США меньше всего беспокоят Мьянму. В этой стране экономические позиции Соединённых Штатов слабы, однако важнейшее значение имеет политическая поддержка Вашингтона. Нынешний идейный лидер государства г-жа Аун Сан Су Чжи[5] много лет прожила в США, имеет тесные связи с американской политической элитой и является близким другом Клинтон. Так что и для неё, и для других представителей властных кругов

---

[2] Малайзия вместо ТТП намерена переключиться на двусторонние торговые соглашения // Лента ИТАР ТАСС. 23 января 2017. URL: http://clients.tass-online.ru/?langID=1&SESSID=xU0a6YHF2e6xbzTCNBqu1xmlV (дата обращения: 25.01.2017)

[3] TPP or Not, VN will Continue Integration // Vietnam News 14 November 2016. URL: http://vietnamnews.vn/economy/346126/tpp-or-not-vn-will-continue-integration.html#17ig1rY8Fdy3jDxX.97 (дата обращения: 8.01.2017)

[4] Scrapping of TPP May Help Thailand // Bangkok Post, 17 November, 2016. URL: (http://www.bangkokpost.com/business/news/1137173/scrapping-of-tpp-may-help-thailand) (дата обращения: 18.12.2016)

[5] Аун Сан Су Чжи – лидер партии Национальная лига за демократию. Несмотря на то, что партия победила на выборах в 2015 г., Аун Сан Су Чжи согласно национальному законодательству не может быть главой государства, т.к. её близкие родственники имеют другое гражданство (дети – граждане США). Занимает посты министра иностранных дел и государственного советника правительства Мьянмы.

Мьянмы победа Трампа стала тяжелым ударом. Теперь им придётся заново выстраивать политические связи с новой администрацией США, почти не имея точек соприкосновения. Возможно, ставка будет делаться на непростое и в тоже время уникальное геостратегическое положение Мьянмы, зажатой между двух великих держав: Китаем и Индией, в надежде на то, что Вашингтон посчитает возможным использовать этот фактор в своей дальнейшей стратегии в Азии.

Непросто станут складываться отношения новой американской администрации с двумя мусульманскими странами ЮВА – Индонезией и Малайзией, где крайне негативно воспринимаются неполиткорректные высказывания Трампа в отношении мусульман. Индонезия – крупнейшая в мире мусульманская страна. Её население около 260 млн. человек, из которых более 88% исповедуют ислам. В Малайзии мусульман более 60% при населении в 31,7 млн. чел. (2016)[6]. В этих двух странах и так не особенно благосклонно относятся к США, в связи с их политикой на Ближнем Востоке. Решительные действия Трампа по ограничению въезда выходцев из мусульманских стран и его обещания ужесточить контроль над ними на территории США ещё больше разжигают антиамериканские настроения. И хотя официальные лица Индонезии и Малайзии старательно обходят тему отношения Трампа к мусульманам, рассчитывая на продолжение конструктивного диалога с Вашингтоном, но нарастающее недовольство Соединёнными Штатами среди простых индонезийцев и малазийцев, которое сейчас наблюдается, может негативно отразиться на развитии двусторонних связей.

В политических и общественных кругах Филиппин и Таиланда победа Трампа, наоборот, вызвала позитивную реакцию. С новым президентом в этих странах связывают надежду на улучшение отношений с США. При администрации Обамы во взаимоотношениях Таиланда и Филиппин с Вашингтоном произошёл существенный разлад на почве постоянной критики, которую позволяют себе США касательно внутриполитического курса и ситуации с правами человека. Приход к власти такого прагматичного политика как Трамп с его деловым подходом даёт основания Бангкоку и Маниле рассчитывать, что при 45-м президенте внешнеполитический курс США будет менее идеологизирован, и это снимет излишнюю остроту и напряжённость в межгосударственных отношениях.

[6] Current Population Estimates, Malaysia, 2014-2016. Department of Statistics Malaysia. Official Portal. URL:http://www.dosm.gov.my/v1/index.php?r=column/cthemeByCat&cat=155&bul_id=OWlxdEVoYlJCS0hUZzJyRUcvZEYxZz09&menu_id=L0pheU43NWJwRWVSZklWdzQ4TlhUUT09 (дата обращения: 18.01.2017)

Проблема безопасности в регионе – важнейшая тема, непосредственно связанная с политикой США в ЮВА. В ней следует выделить два блока: двусторонние контакты и региональное взаимодействие. Что касается двусторонних военных и оборонных связей, то в этом направлении какого-то спада отношений не прогнозируется. Скорее, просматриваются перспективы для укрепления сотрудничества. В Сингапуре и Малайзии, с которыми США имеют налаженные связи в сфере безопасности и обороны, преобладает мнение, что контакты продолжатся, поскольку это в интересах самих Соединённых Штатов. Военный альянс США-Филиппины, который в последние месяцы грозился разорвать президент Филиппин Родриго Дутерте, очевидно, сохранится в прежнем формате, что вряд ли было возможно в случае избрания Клинтон. Кроме того, вполне вероятно возобновление активного военного и оборонного сотрудничества США и Таиланда, которое было заморожено при администрации Обамы.

Что же касается регионального сотрудничества, то здесь всё сложнее. В Юго-Восточной Азии вызывают сеьёзную озабоченность неоднократные заявления Трампа о возможности сокращения присутствия Соединенных Штатов в других регионах. Здесь важно отметить, что региональные державы не приветствуют усиление военного потенциала США в Юго-Восточной Азии. В последнее время они, наоборот, стремятся по возможности снизить свою зависимость от военной поддержки Соединённых Штатов. Вместе с тем, и уход США из ЮВА не отвечает интересам стран региона, поскольку он неизбежно приведёт к образованию вакуума, который, как опасаются, будет заполнен Китаем. В этой связи, перед государствами АСЕАН как никогда остро встаёт вопрос формирования собственной эффективной и независимой политики, которая позволила бы отказаться от вынужденного балансирования и постоянного выбора между Западом (США) и Востоком (КНР). Однако решить поставленную задачу АСЕАН сможет, вероятно, лишь в отдалённом будущем, так как для этого требуются консолидированные усилия и единая позиция в вопросах региональной безопасности. А пока их нет, государства региона продолжают рассчитывать на то, что США сохранят своё присутствие в Юго-Восточной Азии в качестве гаранта безопасности в регионе и противовеса растущей мощи Китая.

Этот принципиально важно для понимания дальнейших перспектив решения проблемы спорных островов в Южно-Китайском море (ЮКМ). В данном вопросе Соединённые Штаты, вероятнее всего, не отойдут от своих принципиальных позиций и не останутся в стороне от территориальных и акваториальных споров в ЮКМ. К этому их будет подталкивать геостратегическое тяготение страны к АТР и необходимость выполнять

обязательства перед союзниками. Но даже при сохранении принципиальных *позиций* США *подходы* Трампа к вопросам региональной безопасности, вероятно, будут отличаться от тех, что были при Обаме. И это может привести к позитивным сдвигам, в частности, при решении проблемы территориальных споров в ЮКМ.

Пока же внешнеполитический курс новой американской администрации только формируется, и страны ЮВА внимательно и напряжённо за этим следят, надеясь и рассчитывая на то, что АТР останется приоритетным направлением во внешнеполитической стратегии Вашингтона, Соединённые Штаты не потеряют интерес к Юго-Восточной Азии, а двусторонние отношения с США в целом сохранятся неизменными, учитывая долгую историю сотрудничества в сфере экономики и безопасности.

Политика США при Д. Трампе: новый импульс или старые проблемы для Латинской Америки?

Николай Николаевич Горячев,
старший лаборант
Лаборатории ситуационного анализа
ЦАТИ ИИАЭ ДВО РАН

Выборы нового президента США и их результат породили во всем мире множество мнений, обсуждений, и беспокойств за будущее. Не обошло это и страны Латинской Америки.

Многие латиноамериканцы (как эксперты, так и рядовые граждане) опасаются разворота США в сторону политики 1920-х и 1930-х годов: возрождение националистических и протекционистских подходы к торговле и резко ограничительные законы, касающиеся иммиграции. Безусловно, влияние этой политики будет ощущаться в первую очередь ближайшими соседями США – Мексикой и странами Центральной Америки. Вызывают тревогу и отношения с Кубой и Венесуэлой, и возвращение к силовому варианту «войны с наркотиками».

Действия Трампа в качестве главы государства сильнее всего уже ударяют по Мексике. Ужесточение иммиграционного законодательства и строительство стены на границе – это очень серьезный сигнал для мексиканских властей, и лишь начало серьёзных осложнений в приграничном сотрудничестве. Возможный пересмотр условий NAFTA, а также ввод пошлин на товары мексиканского происхождения ставит экономику Мексики в очень уязвимые условия.

Сделав в 1994 г. вступление в NAFTA краеугольным камнем для восстановления своей экономики, а экономические связи с США – основой для своего процветания, в настоящий момент Мексика столкнется с целым рядом проблем: упадок промышленного производства, потерю значительного количества инвестиций (например, *"Ford"* уже отказался от строительства завода по производству автомобилей), увеличение количества мигрантов.

Мексиканские официальные лица и эксперты в один голос отмечают, что в настоящее время стране необходимо срочно изменить модель национального развития для выхода из сложившейся ситуации. Необходимо решить проблему растущей безработицы, поднять заработную плату. В случае же начала массовых депортаций нелегальных мигрантов – необходимо будет найти для них место на родине, встроив их в экономическую систему.

Возведение стены на границе с Мексикой – сейчас одна из самых обсуждаемых тем в регионе. По заверениям Белого дома, это призвано оградить страну не только от нелегальных мигрантов, но и от трансграничных преступных группировок и потока наркотиков из Мексики и Центральной Америки. Но возможно ли в этом случае обойтись стеной? Здесь есть несколько факторов, которые необходимо учитывать:

1. Строительство стены потребует привлечения большого количества рабочей силы, причем по словам президента работать над ней смогут только легальные работники. Это неизбежно вызовет удорожание строительства (учитывая уже имеющийся дефицит в южных штатах США легальной рабочей силы в строительстве). Вполне вероятен сценарий, при котором «Стена Трампа» на границе с Мексикой будет построена в основном нелегальными мигрантами из самой Мексики. Будет ли она в этом случае отвечать заложенным в неё требованиям безопасности – неясно.
2. Существуют заявления Трампа о том, что возведение стены будет оплачено Мексикой посредством введения 20-ти процентных пошлин на товары мексиканского происхождения. Такие меры могут решить вопрос окупаемости строительства. Но в итоге это может означать окончательный конец NAFTA без возможности её пересмотра на новых условиях.
3. Снижение уровня преступности и потока наркотиков также вызывает большие сомнения. Во-первых, латиноамериканские банды в южных штатах США уже достаточно глубоко интегрированы в структуру преступного мира, и приток новых членов и финансовая подпитка часто осуществляются не из внешних источников, а путем контроля за ресурсами на местах. Во-вторых, DEA[1] уже несколько раз пыталось различными способами перекрыть трансграничные каналы поставки наркотиков через границу, каждый раз заявляя об использовании новых методов , но тем не менее это не давало существенных результатов. Теневой наркобизнес является очень гибкой системой, чутко реагирующей на различные изменения. И поиск новых маршрутов транзита является для наркокартелей не новым вызовом, а скорее насущной проблемой, которую они привыкли решать со времен П. Эскобара. В данном случае вполне вероятен сценарий увеличения поставок кокаина в Канаду и последующая его транспортировка в США через

[1] Drug Enforcement Administration – Управление по борьбе с наркотиками США

северную границу, как менее подверженную контролю. Учитывая недавнее заявление премьер-министра Канады о том, что «страна готова принять всех мигрантов, которых не приняли в США» - изменение маршрутов доставки не представляется невозможным.

4. «Огораживание» не решит проблемы нелегальной миграции. В этом вопросе Мексика является не столько источником мигрантов, сколько транзитным звеном. На протяжении последних пяти лет количество мексиканских граждан в общем количестве нелегалов снижается, однако значительно увеличился поток жителей Центральной Америки, в частности Гондураса, Гватемалы и Сальвадора.

Как ни парадоксально, несмотря на текущее осложнение отношений с США, для Мексики (да и остальных стран региона) сложившаяся ситуация может принести больше пользы, чем вреда и стать новым положительным импульсом в построении своей региональной и глобальной стратегии. Через несколько часов после объявления об отмене визита президента Мексики в США последовала реакция на это со стороны региональных партнеров. Наиболее прямо в своём твиттере высказался президент Боливии Эво Моралес, призвавший Мексику обратить своё внимание на Юг и способствовать укреплению латиноамериканской интеграции в интересах региона. Еще более категоричным был Генеральный секретарь Союза Южноамериканских Наций (УНАСУР) Эрнесто Сампер. Он заявил, что строительство стены является унизительным актом, направленным на физическое отделение США и Канады от Центральной и Южной Америки, и это вызывает беспокойство за судьбу граждан отделенных государств, проживающих в США.

Заявления Вашингтона о намерении пересмотреть торговые соглашения со странами региона может привести к следующим последствиям:

Во-первых, этот процесс способен придать новый импульс азиатскому направлению в политике региональных акторов. И в выигрыше от этого будет не только Латинская Америка, но и Китай, на протяжении последних двух десятков лет существенно упрочивший свои позиции в регионе, став вторым по значимости экономическим партнером в регионе. Ключевое на наш взгляд отличие состоит в природе китайского инвестирования. Китайские инвестиции, пусть не всегда положительные с экологической и социальной точки зрения – в значительной степени осуществляются без каких либо внутриполитических условий, прикрепленных к инвестиционным соглашениям, в отличие от США. Более того, в целом китайская

экономическая экспансия является благом для Латинской Америки (особенно для левых правительств) позволяя найти новые способы и ресурсы для борьбы с бедностью. В период с 2008 по 2014 гг. уровень бедности в регионе упал с 44 до 28% после постоянного роста на протяжении предыдущих 20-ти лет.

Во-вторых, что касается политического фактора влияния на взаимоотношения США и Латинской Америки, то считаем необходимым отметить следующее. На протяжении 8 лет президентского срока Б. Обамы, ситуация в Латинской Америке развивалась в целом в интересах США сама по себе, во многом переломным стал 2016-й г., когда во многом закончилась эпоха т.н. «левого поворота». Несмотря на усилия по созданию различного рода альянсов (например АЛБА, УНАСУР, МЕРКОСУР), правительствам никак не удавалось наладить их эффективную работу. На сегодняшний день США имеют ССТ с 11 странами (Чили, Колумбия, Коста-Рика, Доминиканская Республика, Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Мексика, Никарагуа, Панама, Перу). Заключение ССТ с региональными партнерами часто проводилось при условии проведения в указанных государствах неолиберальных реформ, несмотря на протесты общественности. Пересмотр этих торговых договоров под эгидой протекционизма со стороны США может сделать то, чего не смогли добиться левые правительства Чавеса, Киршнер и Лулы да Сильвы – подорвать программу торговли, осуществляемую в интересах транснациональных корпораций, и помочь латиноамериканцам найти собственный путь, причем не только левые правительства, но и правые. Это даст региональным Альянсам прекрасный повод для интенсификации своей деятельности и выработке новых стратегий развития, отвечающих вызовам трамповского протекционизма.

Тем не менее, говорить о каком-то глобальном пересмотре политического курса США в отношении Кубы, Колумбии, Венесуэлы и других неспокойных стран региона сейчас преждевременно, как и делать вывод о сворачивании инициатив по военизированной помощи в борьбе с терроризмом и наркотиками, такими как План Колумбия и др. Несмотря на негативную реакцию населения на чрезмерную милитаризацию борьбы с наркотиками и терроризмом, повлекшую собой многочисленные жертвы среди невинных людей и вспышки заказных убийств по политическим мотивам (например в Колумбии и Гондурасе – самых крупных получателях помощи от США в сфере безопасности), эти программы скорее всего не будут свёрнуты, так как они отвечают целям новой администрации США – борьбе против наркотиков и терроризм.

Прогнозно-аналитическое заключение:
Вероятные векторы новой американской политики в АТР и их влияние на международные отношения в регионе

Победа Д. Трампа для большинства политиков и экспертов была неожиданной. Тем не менее она стала естественным результатом не просчитанной ими комбинации объективных факторов, главными из которых стали, во-первых, недовольство значительной части американского электората результатами внутренней и внешней политики США в последнее десятилетие и пошатнувшимся имиджем Америки как вершителя судеб мира и, во-вторых, высокопрофессиональный популизм избирательной кампании Трампа, сумевшего убедить этот электорат в своей готовности и способности «снова сделать Америку великой».

Все действия, предпринятые новым президентом США с момента своей инаугурации – подбор членов кабинета, принимаемые решения, встречи с политиками и бизнесменами – полностью подтверждают не только приоритетность этой задачи, но и решимость Д. Трампа выполнять – в меру возможности и рациональности – данные обещания. Не все они, очевидно, исполнимы. Американское общество расколото. Немалая часть американцев изнежена сытой и спокойной жизнью, она боится и не хочет никаких перемен, а поэтому встречает нововведения Д. Трампа «в штыки», как и пригревшиеся у власти «демократы» и успешно зарабатывающие капитал (не только политический, но и финансовый) республиканские «ястребы». Но три фактора, которые будут определять политику новой администрации, нам кажутся очевидными: 1) экономический прагматизм в основе принимаемых решений; 2) последовательность и решимость Д. Трампа в отстаивании национальных интересов США; 3) его намерение и способность собрать вокруг себя команду профессионалов.

Базовый принцип Трампа в сфере внешнеэкономической деятельности – защита американского рынка и американского производителя. Не боясь обвинений в предательстве идеалов свободной торговли, Трамп готов вводить протекционистские меры, в том числе в отношении ряда отраслей и производств стран АТР, чтобы вынудить их играть по американским правилам и создать благоприятные условия для национальных производителей на американском рынке. А поскольку многосторонние объединения типа ТТП не слишком пригодны для таких действий, Вашингтон делает ставку на двусторонние соглашения, которые

зарекомендовали себя эффективным средством защиты рынка США от импорта товаров, способного повредить национальным производителям.

Наконец, через реализацию программы реиндустриализации, политику по возвращению в страну рабочих мест новая администрация намерена шире привлекать иностранные инвестиции в реальный сектор американской экономики. Не удивительно, что, начиная визит в Вашингтон и выстраивая отношения с новым президентом США, премьер-министр Японии С. Абэ чуть ли не первым делом пообещал существенно увеличить объем японских инвестиций в США.

Активнее всего экономическая политика будет проводиться в отношении КНР. На её правительство будет оказываться давление с целью ревальвировать юань и тем самым сделать китайские товары менее конкурентоспособными. При этом никакого торга, когда на разных чашах весов окажутся экономические и военно-политические вопросы, не прогнозируется. Д. Трамп, как реалист и прагматик, пришедший из мира бизнеса, будет чётко отделять одну сферу отношений от другой.

Этот курс в целом не противоречит интересам стран АТР, которые заинтересованы в поддержании двусторонних торгово-экономических отношений с США, хотя на первом (адаптационном) этапе протекционизм Вашингтона может оказать негативное воздействие на страны, ориентирующиеся на экспорт своей продукции на Американский континент.

На внешнеэкономический курс нового президента будет активно влиять бизнес, представляющий ВПК, высокотехнологичную сферу, малые и средние сельхозпроизводители. Последние активно поддерживали Д. Трампа в ходе предвыборной гонки.

Значительно меньше изменений произойдёт в военно-политической сфере. Заявления 45-го президента, его советников и министра обороны Дж. Мэттиса свидетельствуют, что новое правительство будет твёрдо придерживаться существующих геополитических конструкций. В АТР столпами этой политики остаются военно-политические союзы с Южной Кореей, Японией, Австралией, Новой Зеландией и Филиппинами. Приоритетными направлениями в регионе остаются ядерное нераспространение (включая ракетно-ядерную программу КНДР) и сдерживание Китая. Очевидно, что США оставят под своим ядерным зонтиком Южную Корею. Такой курс благоприятствует и интересам американского ВПК, рассматривающего Восточную Азию в качестве наиболее прибыльного рынка вооружений в АТР.

Сдерживание Китая, вероятнее всего, будет осуществляться посредством размещения стратегической авиации и ракет-перехватчиков на

юге Корейского полуострова, поставок конвенциальных вооружений РК и Тайваню, качественного усиления американского военного контингента, дислоцированного в странах ЮВА и Австралии. Задача состоит в том, чтобы, с одной стороны, заставить союзников оплачивать свою безопасность, а с другой, - не выпустить их из-под своего контроля и влияния. Россия в азиатско-тихоокеанской проекции Вашингтона, как и прежде, не рассматривается.

Не исключен поиск новых форматов вовлечения Северной Кореи в переговорный процесс. Однако у Вашингтона нет действенных инструментов, способных заставить Пхеньян изменить свою политику и отказаться от удобных для него методов шантажа международного сообщества. В то же время Пхеньян будет искать возможности наладить прямые отношения с США в формате *"Track–2",* что не вызывает энтузиазма в Москве, Пекине и Токио.

Страны АТР отреагировали на победу Д. Трампа по-разному. В Таиланде и на Филиппинах смену власти в США восприняли положительно. Как к данности к ней отнеслись в Китае и КНДР: их правительства не увидели существенных различий между кандидатами и намерены защищать свои интересы вне зависимости от того, кто хозяйничает в Овальном кабинете. В ряде государств (Сингапур, Малайзия, Вьетнам, Индонезия, Монголия, Мексика) руководство обеспокоено будущим их экономического взаимодействия с США. Правительство Мьянмы было разочаровано результатом выборов, поскольку победа Х. Клинтон обеспечила бы поступательное развитие налаженного политического диалога. В Японии опасения связаны с будущим двустороннего альянса: не будет ли втянут Токио в активное военно-политическое противостояние Вашингтона и Пекина. Ещё большие беспокойство вызывают перспективы японо-американских торгово-экономических отношений, хотя есть сигналы, что у правительства С. Абэ есть несколько вариантов решения в зависимости от развития ситуации. В Южной Корее победа Д. Трампа поначалу вызвала большую обеспокоенность. Однако сегодня уже очевидно, что военно-политический альянс между США и Южной Кореей не претерпит кардинальных изменений, даже если к власти в РК придет оппозиция. В то же время в Сеуле опасаются пересмотра США двустороннего соглашения о свободной торговле с РК, в результате чего южнокорейским товарам может быть ограничен доступ на американский рынок, а также введён запрет на импорт продукции фирм РК, произведённой в Китае

С учётом декларируемых намерений и первых политических шагов администрации Д. Трампа, а также их восприятия и реакции на них в странах

АТР можно прогнозировать следующие тенденции развития региональных и двусторонних отношений.

Экономика и торговля. Выход США из ТТП повлёк аналогичный шаг со стороны ряда его подписантов. Основным трендом в АТР останется развитие двусторонних, а не многосторонних торгово-экономических отношений. Исключение составят лишь страны Латинской Америки, которые могут предпринять усилия по внутрирегиональной интеграции, но транстихоокеанские отношения они также будут строить на двусторонней основе.

Попытку подхватить «знамя» региональной интеграции в АТР может сделать Китай и попытаться возглавить процессы глобализации. Пекин будет продвигать идеи Всестороннего регионального экономического партнёрства (ВРЭП), евразийской интеграции («Один пояс, один путь), трёхсторонней зоны свободной торговли Китая – Япония – Южная Корея, как и отношения в двустороннем формате. Китай будет максимально противодействовать давлению США на юань, стремиться получить максимальный выигрыш от намерений Трампа вернуть производство в США и существенно увеличить объем своих инвестиций в американскую экономику.

Япония и Южная Корея, находясь перед угрозой сокращения экспорта в США из-за поощряемого правительством Д. Трампа процесса реиндустриализации, надеются добиться выгодных для них соглашений с США о взаимных инвестициях. Им будет сделать это легче, чем Китаю, но не так просто.

Протекционизм станет одним из средств политического давления на страны ЮВА, также заинтересованные в продвижении своих товаров на американские рынки.

Таким образом, реализация идей регионализма в АТР откладывается на неопределенное время. В то же время неизбежное в условиях американского давления увеличение военных расходов Сеула окажет негативное воздействие на южнокорейскую экономику и не будет способствовать укреплению политической стабильности в стране и на полуострове.

Военно-политические отношения. В этой сфере не произойдет заметных изменений. Останутся безуспешными попытки США и их союзников сдержать рост военной мощи и политического влияния Китая в регионе. В одиночку и даже с помощью своих союзников Вашингтон сделать это уже не в состоянии. Поэтому главной интригой будет способность (или неспособность) Д. Трампа преодолеть сопротивление антироссийского истеблишмента и найти компромисс с Москвой и Пекином в подходах к решению ключевых проблем региона: северокорейской ракетно-ядерной

программы, территориальных споров, нарастающих межгосударственных противоречий. Отсутствие видимого прогресса в выстраивании треугольника отношений США – КНР – Россия чревато дальнейшей гонкой вооружений в регионе. В частности, размещение американской системы ПРО и других стратегических вооружений на юге Корейского полуострова будет способствовать милитаризации РК, спровоцирует более интенсивные ракетно-ядерные разработки Северной Кореи, дальнейшее развитие оборонной промышленности и укрепление сил самообороны Японии, ухудшение японо-китайских отношений и ещё более сблизит Пекин с Москвой. В этих условиях невозможно рассчитывать на повышение уровня стабильности и создание единой системы безопасности в регионе.

Что касается ситуации в ЮКМ, маловероятно, что США используют её для демонстрации своей силы Китаю, т.к. администрация Д. Трампа не заинтересована в силовом решении вопроса, а политико-дипломатический потенциал Соединённых Штатов в урегулировании территориальных и акваториальных споров ограничен. Страны Юго-Восточной Азии всё больше выступают против интернационализации проблемы ЮКМ.

В складывающейся региональной обстановке для России очевидными становятся следующие вызовы и возможности.

1. Доминирование дезинтеграционных трендов в политике США в АТР делает ещё более сомнительной идею «экономической интеграции» России в этот регион и подтверждает необходимость её переориентации на Евразийский интеграционный проект. Взаимодействие со странами АТР и дальше будет осуществляться преимущественно в двустороннем формате, потребуется корректировка некоторых соглашений исходя из новых реалий. Актуальным остаётся выстраивание российско-американских экономических связей в зоне Тихого океана, в том числе поощрение взаимодействия с заинтересованными группами американского бизнеса, особенно с аграрным сектором, который поддерживает Д. Трампа. Не исчезают возможности для реализации двусторонних трансграничных проектов, в том числе через Берингов пролив, с последующим подключением к ним других участников.
2. В военно-политической сфере Россия должна стремиться к выстраиванию в зоне Северной Пацифики стратегического треугольника Россия – Китай – США, не допуская при этом ухудшения отношений ни с одной из стран региона. Именно в этом формате кажется возможным плодотворное обсуждение и продвижение к решению корейской проблемы, вопросов ремилитаризации, борьбы с общими невоенными угрозами безопасности.

3. Сохранение очага напряженности на Корейском полуострове, дальнейшее наращивание военного потенциала Японии, отсутствие симптомов к намерению нового руководства США ослабить военную напряженность в регионе вынуждает Россию совершенствовать и укреплять свой оборонительный потенциал по периметру границы на Тихом океане.
4. Рост государственного национализма в странах региона, захвативший и Соединённые Штаты Америки, а также агрессивная антироссийская пропаганда со стороны западных СМИ требуют от России не только осторожных и взвешенных решений, но и постоянной работы по улучшению своего имиджа в регионе, налаживания и поддержания широких неформальных контактов, эффективной народной дипломатии.